

BRIEF'24

Baltic Region Investment Forum

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ФОРУМУ

Структурные изменения в российской
внешней торговле после 2022 года

Меры российской промышленной политики,
затрагивающие внешнюю торговлю
после 2022 года

Центр исследований
структурной политики

ЗЕЛЕНый
КОРИДОР
для бизнеса

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3-6 | Структурные изменения в российской внешней торговле после 2022 года
- 6-11 | Меры российской промышленной политики, затрагивающие внешнюю торговлю после 2022 года
- 11 | Информационные источники

Доклад подготовлен Центром исследований
структурной политики НИУ ВШЭ

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ПОСЛЕ 2022 ГОДА, НОВЫЕ ПАРТНЕРЫ И МЕРЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Санкции, введенные против России в 2022 году, существенно повлияли на внешнюю торговлю по нескольким каналам. В зависимости от структурных особенностей отраслей и их специфики интеграции в глобальное производство воздействие санкционных ограничений значимо отличается, часть эффектов произошла мгновенно, часть эффектов имеет отсроченное влияние. Российская внешняя торговля в новых условиях столкнулась с новыми вызовами и приобрела новые возможности.

В настоящей аналитической записке мы представляем:

- результаты косвенных оценок динамики международной торговли российской экономики с ключевыми странами-торговыми партнерами
- обсуждение характера российской торговой политики в последние годы

Оценки произведены на основе данных о зеркальной торговле России с 38 странами, включая 27 стран ЕС, США, Великобританию, Корею, Японию, Швейцарию, Норвегию, Китай, Индию, Бразилию, Турцию, Казахстан.

~ **80%** | составляла валовая торговля России с выделенными странами в досанкционном периоде

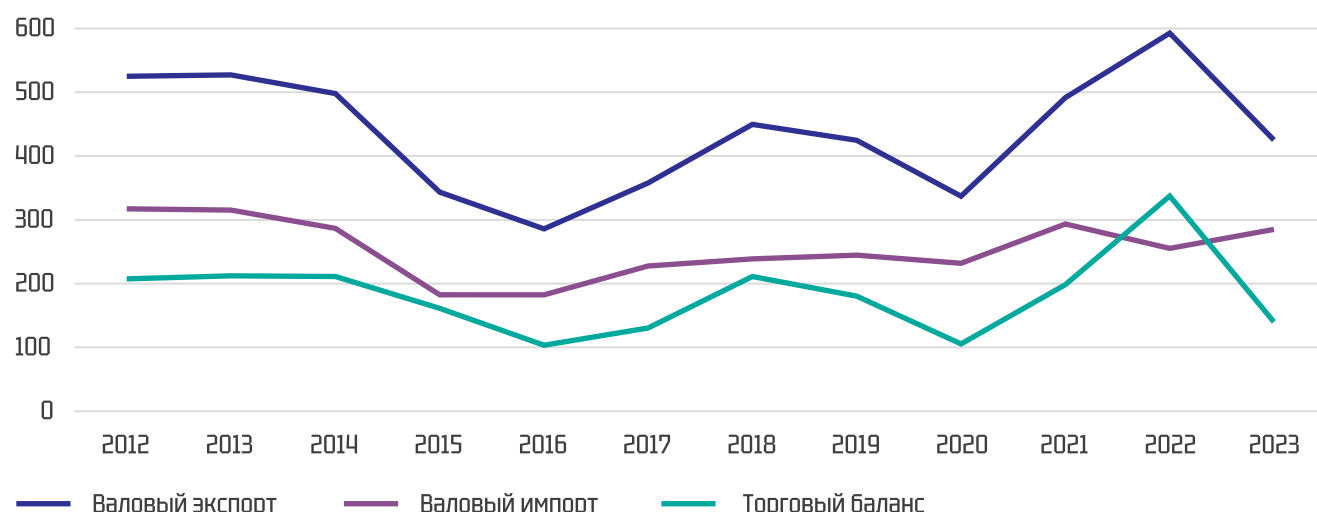
Особое внимание уделено торговле неэнергетическими* товарами, а также чувствительными товарами, на которые наложены ограничения со стороны недружественных стран. Источником данных служат данные института Buegel с учетом данных Евростата, а также национальных статистических ведомств и органов власти, включая General Administration of Customs (КНР), United States Census Bureau (США), Korea Customs Service (Корея), Ministry of Finance (Япония), Ministry of Commerce and Industry (Индия), ONS (Великобритания), Turkish Statistical Institute (Турция), Swiss Federal Office for Customs and Border Security (Швейцария), Statistics Norway (Норвегия), Comex Stat (Бразилия), Казстат (Казахстан). (см. стр.11)

Структурные изменения в российской внешней торговле после 2022 года

Российская внешняя торговля по итогам 2023 года по совокупному товарообороту вернулась к уровню 2018-2019 годов, что впрочем выше уровня во время пандемии в 2020 году. Так, совокупный объем экспорта составил около 425 млрд долл., а совокупный импорт – 285 млрд долл. (Рисунок 1). В целом, удар санкций больше сказался на сокращении импорта, чем на экспорте.

Внутри валовых объемов внешней торговли произошли существенные структурные изменения. Весной 2022 года Федеральная таможенная служба России приостановила публикацию статистических данных по экспорту и импорту. Это создало неопределенность не только для экспертов и аналитиков по внешнеэкономическим связям, но и для предприятий реального сектора, которые работают на зарубежных рынках или планируют на них выйти.

Рисунок 1. Динамика российской внешней торговли, 2012-2023 гг.

Источник: ФТС России, Интерфакс

* В настоящем разделе под энергетическим экспортом мы понимаем экспорт минерального топлива, под неэнергетическим экспортом – все остальные категории российского экспорта, кроме экспорта минерального топлива.

В период адаптации к введенным санкциям в 2022 году в разрезе отраслей негативные последствия санкций

чаще отмечались в:

- металлургии
- фармацевтике
- производстве электротехники
- автомобилестроении
- химической промышленности
- производстве резиновых и пластмассовых изделий;

реже с явными негативными проявлениями сталкивались фирмы в:

- текстильной и легкой промышленности
- пищевом производстве
- сфере ремонта
- монтаже машин и оборудования¹.

Изменения в отраслевой структуре производства оказались схожи с изменениями в отраслевой структуре экспортного сектора. В условиях благоприятной ценовой конъюнктуры по итогам 2022 года в России отмечено историческое увеличение объемов экспорта энергоресурсов, продуктов питания, химических товаров (включая резкий рост продаж минеральных удобрений) и цветных металлов. Одновременно с этим снизился объем экспорта по ряду товарных групп, особенно пострадавших от санкций и находящихся в условиях слабой ценовой конъюнктуры: драгоценным металлам, черным металлам, нефтепродуктам и газохимическим продуктам, лесной и бумажной продукции, а также по машинно-техническим изделиям. Последнее объясняется сокращением специализированных поставок, ограничениями в поставках комплектующих и материалов для экспортных производств в России, приостановкой деятельности и уходом с российского рынка многих иностранных компаний, включая те, которые работали в экспортном секторе².

Изменения в географической структуре экспорта и импорта ускорили тренды, которые начали формироваться еще задолго до введения санкций – в середине 2010-х годов. Речь идет о переориентации российской внешней торговли на дружественные каналы сбыта, включая рынки стран БРИКС, ЕАЭС и Глобального юга. По оценкам экспертов это позволило отраслям в существенной степени смягчить воздействие санкций³.

При анализе торговли со всеми странами мира эксперты выделяют

21

страну, в которую был интенсифицирован российский экспорт (включая Боливию, Венесуэлу, Марокко, Панаму, Судан, Уругвай)

60

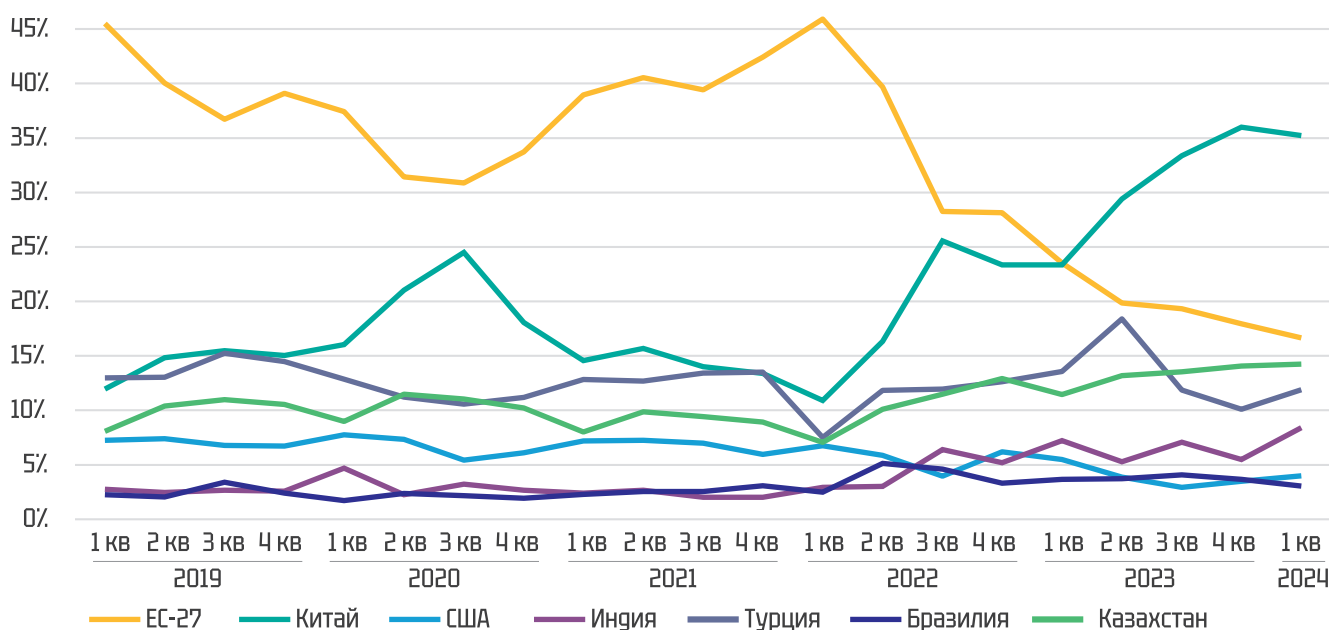
стран, из которых были интенсифицированы импортные поставки (включая Бразилию, Египет, Индию, Киргизию, ОАЭ, Сирию, Турцию, Узбекистан, ЮАР⁴)

Принципиальным изменением в географической структуре российского экспорта и импорта стала смена ключевого торгового партнера.

По объемам валовой торговли Китай обошел страны ЕС-27 в российском экспорте в 1 квартале 2023 года (Рисунок 2), а по объемам импорта еще раньше – во 2 квартале 2022 года (Рисунок 3).

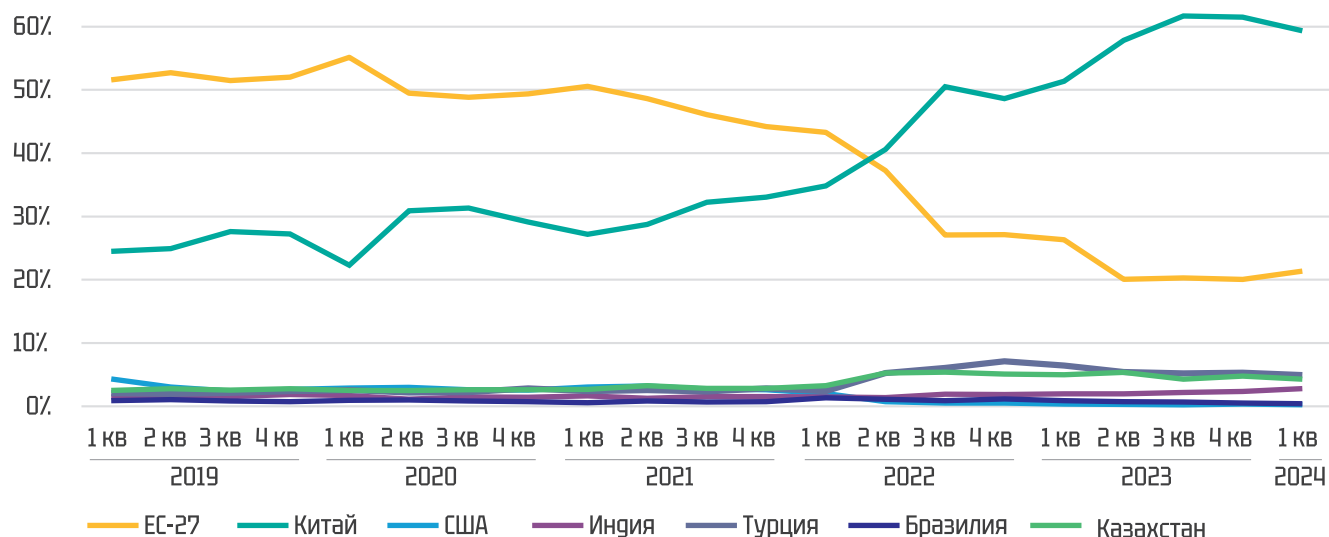

Рисунок 2. Структура несырьевого экспорта по основным странам-партнерам в 1 кв. 2019 - 1 кв. 2024 гг.

Источник: оценки авторов

Рисунок 3. Структура импорта по основным странам-партнерам в 1 кв. 2019 – 1 кв. 2024 гг.

Источник: оценки авторов

В структуре экспорта, по данным оценок торговли по 38 странам, доля стран ЕС-27 сократилась на 29,3 п.п. в 1 квартале 2024 года по сравнению с 1 кварталом 2022 года, а доля Китая, напротив, выросла на 24,3 п.п. Также значительно выросли доли экспорта в другие грузажественные страны – Казахстан (+7,2 п.п.), Индию (+5,5 п.п.), Турцию (+4,4 п.п.). Однако важно подчеркнуть, что на фоне общего снижения валового объема экспорта России, только рост доли Китая и Индии оказался связан с увеличением объема российского экспорта, для Казахстана и Турции расширение доли не сопровождалось наращиванием абсолютных объемов торговли.

Экспортная переориентация оказалась характерна как для наиболее пострадавших отраслей, включая топливно-энергетические товары, металлургическую промышленность⁵, так и наименее пострадавшие отрасли, например, химическую промышленность⁶.

В структуре импорта доля стран ЕС-27 сократилась на 21,9 п.п. в 1 квартале 2024 года по сравнению с 1 кварталом 2022 года, а доля Китая, напротив, выросла на 24,5 п.п. Импорт из Турции, Индии и Казахстана также вырос на 1,8, 1,6 и 1,2 раза соответственно, при этом выросла и доля этих стран в совокупном рассматриваемом российском импорте из 38 стран-основных партнеров.

Трансформация структуры импорта, однако, по-прежнему сохраняет в себе несколько существенных рисков для отечественных производств, в том числе:

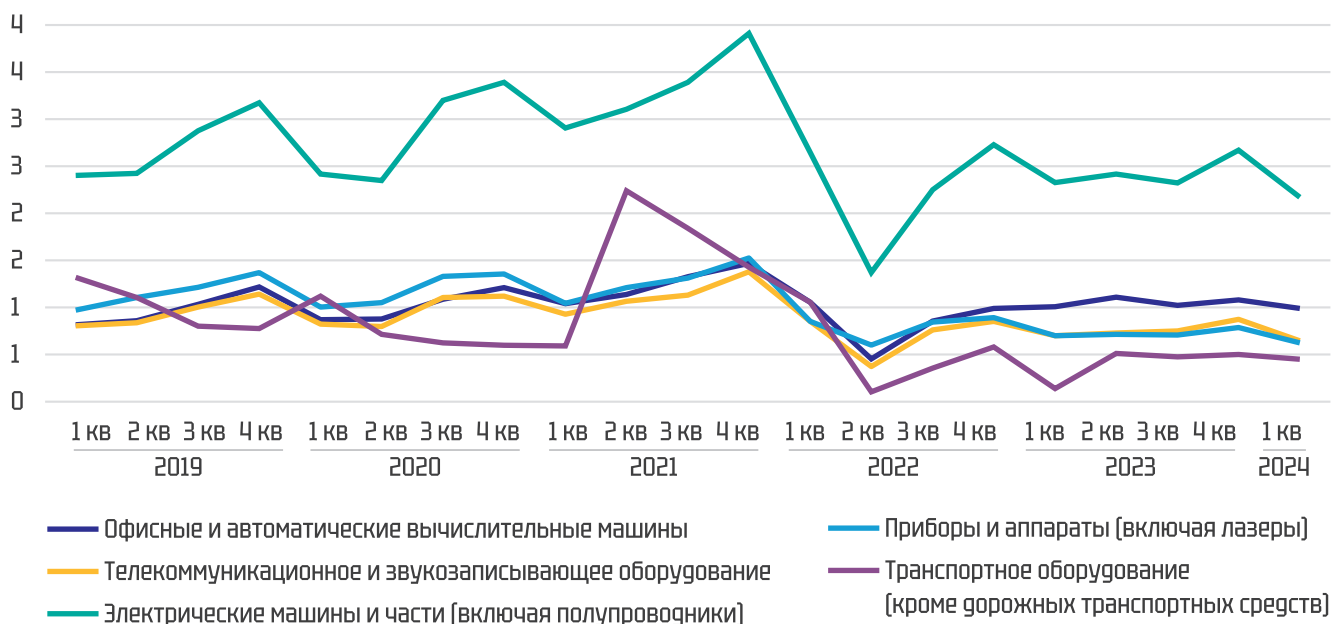
- несмотря на импортозамещение, сохраняется значимая зависимость от импорта отдельных видов сырья, полуфабрикатов и технологий в ряде отраслей, включая, например, сельское хозяйство⁹, фармацевтическую промышленность, химическую промышленность¹⁰ и производство полимеров¹¹

- отмечается нарастание зависимости от единственного крупного зарубежного потребителя и его деловых циклов¹²
- выделяются ограниченные возможности экспортеров в переориентации продукции на внутренний рынок вследствие того, что российские аналоги санкционных товаров редко являются субститутами по ценовым и качественным характеристикам¹³.

Поставки товаров чувствительных категорий (попавших под санкционные ограничения) в Россию после введения санкций существенно просели во 2 квартале 2022 года и затем стали расти, однако добиться полного восстановления не удалось. Складывается впечатление, что в середине 2022 года объемы импорта чувствительных категорий зафиксировались на новых более низких (по сравнению с досанкционными) уровнях и ожидать роста в ближайшее время не стоит. Это, в частности, касается импорта телекоммуникационного оборудования, электрических машин, приборов и аппаратов, транспортного оборудования, вычислительных машин (Рисунок 4).

Рисунок 4. Динамика российского импорта чувствительных категорий товаров в 1 кв. 2019 – 1 кв. 2024 гг., млрд долл.

Источник: оценки авторов

В структуре российского импорта чувствительных категорий заметным становится усиление поставок из Китая, доля которого выросла до 2-3 раз. Так, по итогам 1 квартала 2024 года по сравнению с 1 кварталом 2021 года доля Китая среди 38 основных стран-партнеров в поставках офисных и вычислительных машин выросла с 35,7 до 86,2%, в поставках телекоммуникационного и звукозаписывающего оборудования – с 47,4 до 86,7%, в поставках электрических машин – с 30,4 до 70,8%, в поставках приборов и аппаратов – с 15 до 41,3%, в поставках транспортного оборудования – с 2,8 до 32,6%.

Отметим, что сформировавшийся в 2022 году тренд к расширению доли Китая в российской внешней торговле существовал до середины второй половины 2023 года, а затем стал замедляться. В 1 квартале 2024 года доля Китая в валовом российском экспорте и импорте несколько сократилась. Это во многом связано с усилением рисков вторичных санкций, а также распространяется на другие страны-партнеры.

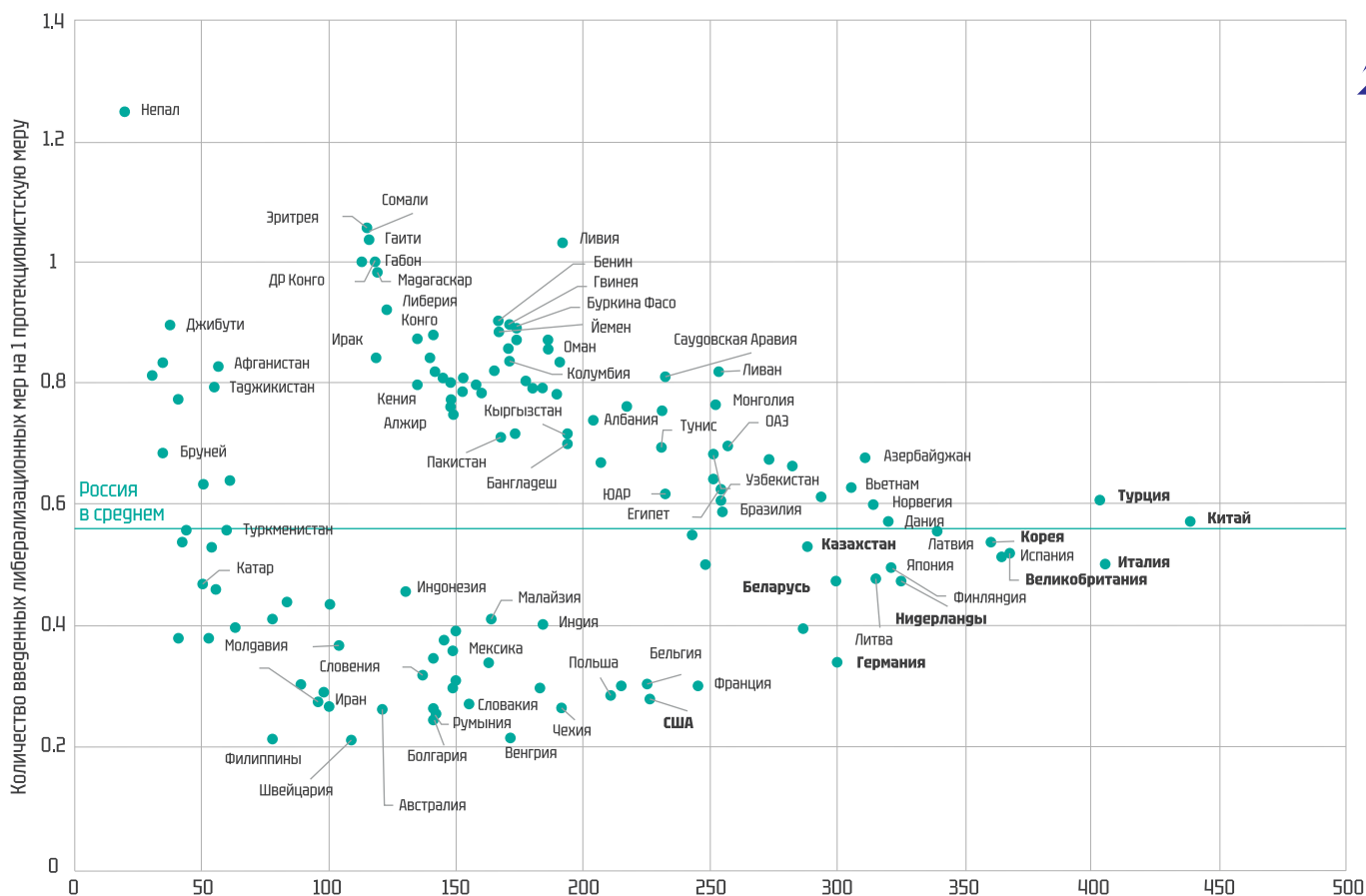
Риски вторичных санкций и сокращение возможностей для взаимных расчетов создали серьезные преграды для двусторонней международной торговли. И даже если части бизнеса удалось перенаправить торговые потоки и платежи через контрагентов в третьих странах, это существенно сказалось на стоимости товаров, прежде всего, в импорте и привело к сокращению торговли. Увеличение стоимости поставок также связано с дефицитом контейнеров, увеличением сроков доставки товаров морским транспортом вследствие новых маршрутов в обход Суэцкого канала, а также связано с ограничениями перевозки железнодорожным транспортом. Как представляется, в перспективе 1-2 лет при сохранении серьезной фазы конфликта не стоит ждать новых существенных структурных сдвигов в географии российской внешней торговли.

Для новых сдвигов нужен серьезный толчок, которым может стать, к примеру, запуск расчетов в цифровой валюте, а также налаживание логистических коридоров (в том числе посредством задействования автотранспорта).

Меры российской промышленной политики, затрагивающие внешнюю торговлю после 2022 года

Одной из особенностей российской промышленной политики еще до начала санкционного давления в 2022 году являлась ее близорукость **в укреплении связей с долгосрочными партнерами**. Из топ-10 внешнеэкономических партнеров России по товарообороту только в отношении двух стран, Китая (двусторонний товарооборот с Россией в 2018-2021 годах составлял порядка 17,1% от валового российского) и Турции (3,9%), характер мер был более мягким, чем в среднем в России в отношении всех партнеров. При этом в отношении двух других партнеров, с которыми Россия движется по пути глубокой экономической интеграции, – Беларуси и Казахстана, меры были более жесткими, чем в России в среднем, и сопоставимы по этому критерию с мерами в отношении стран, ставших в 2022 году недружественными и с кем отношения были напряженными уже некоторое время – страны ЕС (Италия, Нидерланды), а также Япония, Корея (Рисунок 5).

Рисунок 5. Общее количество введенных мер по отношению к странам-внешнеэкономическим партнерам и характер этих мер, накопленных итогом в 2018-2021 гг.

Источник: оценки авторов

Примечание

жирным шрифтом выделены страны из числа топ-10 крупнейших партнеров по стоимости внешнеторгового оборота за период 2018-2021 гг.

Анализируя характер связей с прочими партнерами, важно заметить, что характер мер был еще более жестким в отношении стран, которые зачастую в российском экспертном сообществе называли и продолжают называть перспективными в условиях текущих ограничений российскими партнерами – это, прежде всего, Индия (двусторонний товарооборот около 1,7% от валового российского), а также Мексика, Малайзия, Индонезия (около 0,4–0,5%). Это может свидетельствовать о некоторой негальновидности политики. Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что среди стран, в отношении которых наблюдалась наиболее мягкая политика с большим соотношением либерализационных мер относительно протекционистских, преобладают малые экономики, с которыми не так много перспективных направлений для сотрудничества. Так, преобладание либерализационных мер над протекционистскими в двусторонних отношениях России наблюдалось лишь для небольшой группы стран, – это Непал, Сомали, Эритрея, Гаити, Ливия, Габон и Демократическая Республика Конго. Среди прочих стран, в отношении которых отмечалась более мягкая политика и с кем у России в последние годы выстраиваются долгосрочные

совместные проекты, следует выделить страны, недавно присоединившиеся к группе БРИКС – ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет.

Рассмотрим особенности российской промышленной политики в отношении внешнеторгового сектора после 2022 года на фоне особенностей мировой политики. В целом в мировой экономике за период 2009-2023 годов наблюдается расширение введенных протекционистских мер против либерализационных – если в 2009 году на 1 введенную либерализационную меру приходилось 3,2 протекционистских меры, то в 2022 году – уже 5,2 (и 3,9 в 2023 году). Российскую промышленную политику часто принято рассматривать как протекционистскую, сочетающую жесткие и мягкие черты при преобладании первых – активное вмешательство государства в экономику и высокая роль госкорпораций сочетается с отдельными инициативами в области международной экономической интеграции (в частности, по линии ЕАЭС, ШОС, БРИКС), которые при этом нельзя назвать слишком активными и успешными.

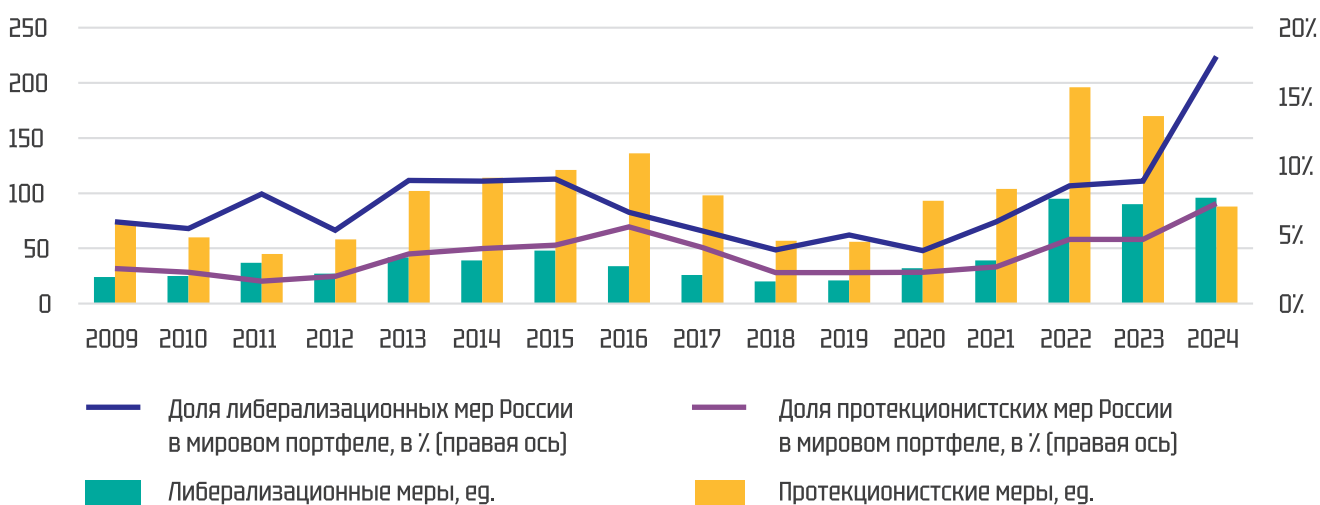
Однако на фоне мировой экономики в целом российская промышленная политика в меньшей степени рестрикционна: если в 2009 году в России, как и в мире в целом, на 1 либерализационную меру было также введено в среднем 3,2 протекционистских меры, то к 2020 году политика стало чуть менее жесткой – соотношение снизилось до 2,2 в 2022 году и 1,9 в 2023 году.

Доля России в мировом портфеле введенных либерализационных мер выросла с примерно 7% в начале 2010-х годах до 9% в 2023 году и до 18% за январь-август 2024 года, доля России в мировом портфеле протекционистских мер несущественно менялась, однако несколько выросла в последние годы с примерно 5% в 2010-х годах до 7,3% в январе-августе 2024 года (Рисунок 6).

При этом в последние два года на каждую принятую либерализационную меру в России приходится примерно две рестрикционных меры, однако это примерно в два раза меньше, чем в мире в целом.

В совокупности это означает, с одной стороны, повышение активности российской политики в регулировании внешней торговли особенно в последние два года, при этом гораздо более мягкий характер по сравнению с политикой в мире в среднем. Данные за неполный 2024 год свидетельствуют о том, что более мягкая политика, вероятнее всего, продолжится, поскольку уже за период январь-август 2024 года количество либерализационных мер превысило показатель 2023 года.

Рисунок 6. Количество либерализационных и протекционистских мер, введенных в России и их доля в мировом портфеле мер, в 2009-2024 гг.

Источник: оценки авторов

Примечание

оценки за 2024 год включают период с 1 января по 10 августа

Рост числа принятых либерализационных мер вряд ли стоит связывать только с введением против России санкций первой и второй волны. В целом, по нашим оценкам, в мировой экономике отсутствует зависимость между количеством внешнеторговых ограничений против страны и количеством либерализационных мер, которые она ввела. Скорее следует говорить о существовании другой зависимости в отношении стран, против которых вводится больше ограничительных мер, также вводится и больше либерализационных мер.

С одной стороны, это обусловлено часто временным характером мер, введение и последующая отмена которых увеличивает общее число мер в отношении страны. С другой стороны, такая зависимость складывается вследствие разной степени участия стран в международных дву- и многосторонних экономических отношениях, разной степени товарной и географической диверсификации партнеров – чем больше у страны партнеров и чем больше экономика по размеру сама

по себе, тем чаще ее экономические интересы будут затрагиваться регулированием в других странах.

Специфика либерализационных мер российской внешней торговли заключается в том, что среди них преобладают меры контроля над экспортными ценами (включая снятие дополнительных налогов и сборов) в ряде секторов, включая АПК (пшеницу и меслин, соевые бобы, кукурузу, ячмень, масло подсолнечное), продукцию нефтегазового комплекса (сырую нефть, нефтепродукты, нефтяные газы, масла и другие продукты высокотемпературной перегонки каменноугольной смолы), а также продукты металлургии (ферросплавов, плоского проката из железа или нелегированной стали, цветных металлов). При этом сам характер либерализации можно в некотором смысле назвать условным, поскольку эти же самые товары, в отношении которых принято наибольшее количество либерализационных мер, входят также в перечень товаров, в отношении которых принято наибольшее количество протекционистских мер (Таблица 1).

Эти наблюдения демонстрируют высокую активность правительства в регулировании экспортных цен на сырьевые товары в зависимости от конъюнктуры внутреннего и международного рынков.

Такая специфика российской либерализационной политики, с одной стороны, отражает сырьевую ориентацию российского экспорта, а с другой стороны, довольно сильно отличает ее от политик других стран, которые стимулируют внешнюю торговлю.

Так, среди товаров, торговля которыми упрощается в мировой экономике чаще других, встречаются не только сырьевые товары, но и капиталоемкие товары, необходимые для использования в производственных процессах (Таблица 2).

Таблица 1. Топ-10 российских экспортных товаров, в отношении которых в период 2022-2024 гг. было принято наибольшее количество либерализационных мер

Наименование продукта	Количество либерализационных мер	Позиция в рейтинге по количеству либерализационных мер	Количество протекционистских мер	Позиция в рейтинге по количеству протекционистских мер
Пшеница и меслин	85	1	70	1
Кукуруза (зерно)	63	2	69	2
Ячмень	50	3	58	3
Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых	19	4	18	5
Жмых и другие твердые остатки, молотые или немолотые, в виде гранул, получаемые при извлечении растительных жиров или масел	18	5	18	4
Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, сырые	15	6	16	6
Нефтяной кокс, нефтяной битум и другие остатки нефти или нефтепродуктов, полученных из битуминозных пород	14	7	12	8
Нефтяные газы и другие газообразные углеводороды	13	8	11	10
Масла и другие продукты перегонки высокотемпературной каменноугольной смолы	12	9	10	11
Масло подсолнечное, сафлоровое или хлопковое и их фракции, рафинированные или нерафинированные, но не химически модифицированные	11	10	13	7

Источник: оценки авторов

Примечание

оценки за 2024 год включают период с 1 января по 10 августа

Таблица 2. Топ-10 экспортных товаров, в отношении которых в период 2022-2024 гг. в мире было принято наибольшее количество либерализационных мер

Наименование продукта	Количество либерализационных мер	Позиция в рейтинге по количеству либерализационных мер	Количество протекционистских мер	Позиция в рейтинге по количеству протекционистских мер
Машины и механические устройства, имеющие индивидуальные функции	185	1	401	41
Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых	180	2	334	47
Кукуруза	159	3	685	1
Тростниковый или свекловичный сахар и химически чистая сахароза в твердом виде	152	4	214	80
Прочие поъемные, погрузочно-разгрузочные машины (например, лифты, эскалаторы, конвейеры, канатные дороги)	152	5	193	94
Пшеница и меслин	147	6	637	2
Машины, установки или лабораторное оборудование, с электрическим или неэлектрическим нагревом (кроме печей, духовых шкафов), для обработки материалов с помощью процесса, включающего изменение температуры, такого как нагрев, варка, обжарка	146	7	322	48
Рис	113	8	561	9
Центрифуги, включая центробежные сушилки; машины и аппараты для фильтрации или очистки жидкостей или газов	109	9	269	56
Краны, вентили, клапаны и аналогичные устройства для труб, корпусов котлов, резервуаров, чанов или подобных устройств, включая редукционные клапаны и термостатические клапаны	106	10	224	75

Источник: оценки авторов

Примечание

оценки за 2024 год включают период с 1 января по 10 августа

Самая распространенная категория, в отношении которых страны мировой экономики в последние два года упрощали регулирование и условия торговли – машины с индивидуальными функциями. Это большая категория товаров, которая включает машины для применения в различных производствах и отраслях промышленности, в том числе машины общего назначения (например, баки с мешалками, вибродвигатели, промышленные роботы), машины

для отдельных отраслей (например, для дорожных работ, для маслостройной и пищевой промышленности, для изготовления веревок и тросов), а также прочие машины (например, воздухоувлажнители, машины для заполнения пуховых одеял или набивки матрацев, сварочные горелки с дугом для погвоной сварки и многое другое).

Важно отметить, что хотя недостатком анализа характера двусторонних взаимоотношений на агрегированном уровне может быть неучет специфики регулирования в разрезе отдельных отраслей, видов деятельности, а также собственно направлений политики, полученные оценки позволяют выявить некоторую несбалансированность в регулировании двусторонних отношений России со странами-партнерами. В перспективе с учетом текущих жестких ограничений это поднимает вопрос о пересмотре отечественной экономической (промышленной) политики в отношении стран-партнеров по ряду направлений. Во-первых, это вопрос баланса между защитой национальных интересов и упрощением регулирования, созданием стимулов для развития отечественных отраслей (в том числе интересах импортозамещения) и при этом сохранением контроля над ключевыми видами деятельности. Во-вторых, это поиск баланса между регулярным пересмотром мер для повышения эффективности регулирования и сохранение прогнозируемости изменений для обеспечения долгосрочного планирования со стороны предприятий, вовлеченных в международную экономическую кооперацию. Наконец, это поиск и выявление перспективных направлений для двусторонней экономической кооперации, в том числе поддержка инициативы «снизу», ввод в тестовом режиме упрощенного регулирования для стимулирования кооперации по приоритетным направлениям. На уровне предприятий это означает необходимость активизации для обсуждения рационалий, новых вызовов и возможностей на внешних рынках, выработка инициатив для совершенствования регулирования внешней торговли.

Дополнительные сведения:

Bruegel – европейская исследовательская организация
General Administration of Customs – Главное таможенное управление КНР

United States Census Bureau – Бюро переписи населения США

Korea Customs Service – Налоговая служба в Южной Корее

Ministry of Finance – Министерство финансов Японии

Ministry of Commerce and Industry – Министерство торговли и промышленности Индии

ONS – Национальная статистическая служба Великобритании

Turkish Statistical Institute – Турецкий статистический институт

Swiss Federal Office for Customs and Border Security – Федеральное управление по таможенному и пограничному контролю Швейцарии

Statistics Norway – Статистическое управление Норвегии

Comex Stat – Статистический портал Министерства экономики Бразилии

Казстат – Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

Информационные источники:

- 1 Симачев Ю.В., Яковлев А.А., Голикова В.В., Городной Н.А., Кузнецов Б.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А. (2023) Российские промышленные компании в условиях второй волны санкционных ограничений: стратегии реагирования // Вопросы экономики. 12. С. 5-30
- 2 Спартак А.Н. (2023) Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 4. С. 9-35
- 3 Сморогинская Н.В., Катукоев Д.Д. (2022) Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 6. С. 52-67
- 4 См. подробнее: Нарбут В.В., Шпаковская Е.П. (2023) Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2. С. 131-148
- 5 См. подробнее: Кучерявенко Д.М. (2024) Развитие металлургического промышленного производства в России // Вестник университета. 12. С. 93-100
- 6 См. подробнее: Смагулова С.М., Фетисова Л.Ю. (2023) Воздействие антироссийских санкций на внешнеторговую деятельность предприятий российской химической промышленности // Инновации и инвестиции. 7. С. 406-409
- 7 См. подробнее: Кабанова Е.Е. (2023) Перспективы российского сельскохозяйственного комплекса в условиях санкций // Экономическое развитие России. 30(4). С. 44-52
- 8 См. подробнее: Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023) Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // Terra Economicus. 21(3). С. 17-31
- 9 См. подробнее: Доржиева В.В. (2023) Цифровая трансформация промышленности в условиях внешних ограничений (на примере фармацевтической промышленности): науч. докл. М.: Институт экономики РАН. – 54 с.
- 10 См. подробнее: Смагулова С.М., Фетисова Л.Ю. (2023) Воздействие антироссийских санкций на внешнеторговую деятельность предприятий российской химической промышленности // Инновации и инвестиции. 7. С. 406-409
- 11 См. подробнее: Фролов Д.Л. (2024) Промышленная политика в химической отрасли в условиях экономических санкций против России // Вестник университета. 12. С. 219-229
- 12 См. подробнее: Изотов Д.А. (2023) Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик // Власть и управление на Востоке России. 3(104). С. 70-87
- 13 См. подробнее: Глухих П.Л. (2022) Факторы роста и сдерживания российского несырьевого экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. 9. С. 26-42.

BRIEF'24

Baltic Region Investment Forum

Организаторы:

**ЗЕЛЕНый
КОРИДОР**
для БИЗНЕСА

Центр исследований
структурной политики

